

М. В. ЩЕПКИНА

### О личности певца «Слова о полку Игореве»

При решении вопроса о том, кто был автором «Слова о полку Игореве», надо прежде всего исходить из самого текста поэмы. В нем имеется одно мимолетное и по существу безымянное упоминание, на которое уже давно обратили внимание исследователи:

«О Бояне, соловію стараго времени. Абы ты сіа полки ущекотал, скача, славію, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая, славію оба полы сего времени, рица в тропу Трояню, чресь поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того (Олга) внуку: „не буря соколы занесе чресь поля широкая“... Чили въспѣти было вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: „комони ржут за Сулою“...» (стр. 6—7).<sup>1</sup>

К кому могут относиться слова «того внуку»? В тексте первого издания после этих слов, правда в скобках, стоит указание «Олга» и соответственно в переводе читается: «Тебе бы петь песнь Игорю, внуку Ольгову».

Н. М. Карамзин, свидетельствуя добросовестность передачи оригинала первыми издателями, говорил: «Касательно же поставленного в скобках слова „Олга“ на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи».<sup>2</sup>

К сожалению, Карамзин не уточнил, откуда введено в текст слово «Олга». Принадлежит ли это пояснение издателям, или оно уже имелось в самой рукописи XV—начала XVI в., которая послужила основой для первого издания? Надо полагать, что если бы имя Олега Святославича было привлечено самими издателями для объяснения слов «того внуку», то В. Ф. Малиновский, при его педантично-точной системе передачи текста, удовольствовался бы примечанием; обычно так и даются в первом издании исторические комментарии. Таковы примечания к именам «старый Ярослав» и «храбрый Мстислав», «красный Роман» (стр. 3—4) или к неверно понятому имени «старого Владимира» (стр. 5). Пояснения эти имеют пространный характер. Только раз встречается краткое замечание по поводу слова «Хорс» — «не вразумительно» (стр. 36). Следовательно, вставка «Олга» сделана не издателями, а взята для пояснения из самого оригинала, причем, всего вероятнее, она стояла на поле.

О том, что слово «Олга» относится не к позднейшему времени, свидетельствует способ написания его: не «Олега» или «Ольга́», а, по-видимому, «О(л)га», т. е. или с выносом буквы «л» над строкою или со значком паерка над нею.

Кому принадлежит эта вставка? Переписана ли она писцом XV—XVI в. с рукописи, которая послужила ему оригиналом, или поставлена им самим

<sup>1</sup> В дальнейшем в скобках указываются страницы первого издания «Слова» (Иронская пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М., 1800).

<sup>2</sup> Н. Полевой. Любопытные замечания к «Слову о полку Игоревом». — Сын отечества. СПб., 1839. т. VIII (отдел «Смесь»), стр. 20.

на полях, или же, наконец, кем-то из читателей XVI—XVIII вв. — для нас несущественно; важно то обстоятельство, что в древнем оригинале поэмы слово «Олга» не стояло.

Логически трудно предположить, что слово «внук» относится к имени Игорьь, а определение «того» подразумевает его деда — Олега Святославича. Князь этот нигде не помянут, ни перед выражением «того внуку» (стр. 6), ни после него. Впервые находим мы это имя лишь начиная со стр. 14—15 «полци Олговы», «Ольга Святославичя». Упоминания о различных князьях Рюрикова племени у певца очень четки: они определены их отчествами по отцу, а иногда также и по деду; для некоторых — характерными эпитетами: старый, красный, Гориславич, Осмомысл, буй, великий. Слова «того внуку» настолько ничем не связаны по смыслу, а по своему месту настолько удалены от имени Олега Святославича, что их, конечно, нельзя относить к этому князю. Единственные имена, стоящие непосредственно перед словами «того внуку» и сейчас же после них, это Троян и Боян.

Первое имя здесь неприемлемо: оно дано как прилагательное притяжательное в краткой форме «тропа Трояня», т. е. Троянова тропа. Таким образом, здесь нельзя установить синтаксическую связь существительного «Игорь» с прилагательным «Троянова». Из близ стоящих имен остается только «Боян, соловей старого времени» (стр. 6) и «Боян, Велесов внук» (стр. 7). И синтаксически и логически (так как дело идет о пении, а не о чем-либо другом) слова «того внуку» должно относить к имени древнего певца Бояна: «О Боян, соловей старого времени! если бы ты воспел этот поход...» Его внуку подобало бы так начать песнь Игорю: «Не буря занесла соколов на поля широкие... А может быть, следовало, Боян, внук Велесов, запевать: кони ржут за Сулою...».

«Слово о полку Игореве» начинается с упоминания имени Бояна; певец «Слова» показывает прекрасное знание песенных приемов Бояна, превозносит его мастерство, называет три из его песен и приводит выдержки из двух других. Он величает его: «внук Велеса», «соловей старого времени», «вещий», «смысленный». Он говорит о певце «Слова» как об общепризнанном образце, говорит так, как будто от него ждут подражания Бояну. Но, показывая себя знатоком древних песенных приемов Бояна, певец «Слова» подчеркивает, что он пойдет иным путем — он отходит от эпической песенной традиции, и его дарование носит уже черты индивидуального творчества.

Конечно, по его отношению к Бояну, по его блестящему знанию приемов и песен этого знаменитого древнего певца автор Слова, несомненно, его ученик, певец его школы. Но в каком же смысле он называет себя его «внуком» — в переносном, как его преемник и ученик, или в подлинном, т. е. по происхождению?

Ряд исследователей и принимает наименование «внук» в переносном смысле: певец является продолжателем Бояна. Однако наименование «внук Бояна» вряд ли мог позволить себе его ученик, уже немолодого возраста, притом слагающий песни в ином стиле. Такое восхваление Бояна, какое мы находим в «Слове», также странно со стороны ученика, тогда как со стороны потомка знаменитого певца оно понятно и законно. Автор Слова в данном случае следует народному обычаю: «Умный хвастает отцом-матерью, отцом-матерью, родом-племенем». Такое поведение было узаконено жизнью и рассматривалось как достойное и похвальное.<sup>3</sup>

<sup>3</sup> Ср. у А. С. Пушкина: «Мой предок Радша службой бранной Святому Невскому служил» (Моя родословная. — Сочинения и письма А. С. Пушкина, т. 2. СПб; 1903, стр. 142).

Предположение, что певец «Слова» может быть внуком Бояна, еще в 1878 г. допускал А. А. Потебня: «... автор мог быть внуком Бояновым или по крови... или по духу, как хранитель его преданий».<sup>4</sup>

Остается решить вопрос: возможно ли это, реально ли такое предположение; если принять во внимание время их жизни, мог ли певец учиться у Бояна, будучи его внуком? Для решения этого вопроса надо уточнить время жизни Бояна. Предположительно, оно уже установлено исследователями.<sup>5</sup> Принимают, что Боян был певцом черниговского князя Олега Святославича. Всего показательнее в данном отношении следующее место поэмы:<sup>6</sup> «рек Боян исходныи Святославля песнотворец старого времени, Ярославля Ольгова когана» — «сказал Боян исходный стих, песнотворец старого времени, когана Ольга Святославича, Ярославича», т. е. князя, который упоминается в летописи начиная с 1076 и кончая 1114 (1115) г.

Самая поздняя дата, которую можно извлечь из текста, это год смерти князя Всеслава Полоцкого — 1101 г. Боян, несомненно, пережил Всеслава: «тому вѣщій Боян и первое (некогда) припѣвку смысленый рече — ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божія не минути». Судом божьим называется смерть. Следовательно, эта припевка Бояна возникла после смерти Всеслава. Прославляя подвиги этого князя, его удадь, стремительность его набегов и необычайную хитрость, Боян говорит в заключение, что ни смелость, ни ум, ни вещая душа не могли спасти Всеслава от общей всем людям участи — смерти. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что Боян пережил Всеслава. Относительно другой даты — года смерти Ольга Святославича (1114—1115 г.) — никаких определенных данных «Слово» не дает. Пережил ли Боян своего князя? Ничто не противоречит такому долголетию. Сравним известие Лаврентьевской летописи о знатном человеке боярине и дружиннике Яне Вышатиче, который дожил до 90 лет (1106 г.) и про которого Нестор пишет: «У него же аз многа словеса слышах еже и писах в летописании сем».<sup>7</sup>

Если считать, что в год смерти князя Олега Святославича Бояну было даже около 60 лет (т. е. что он родился в 1055—1060 г.) и принять что он дожил до 80 лет, то год его смерти будет 1135; если до 85 лет — то 1140 г., если до 90 лет — то 1145 г. Когда родился его внук? Во-первых, сколько лет мог иметь этот внук в год похода князя Игоря на половцев

<sup>4</sup> А. Потебня. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е. Харьков, 1914, стр. 21.

<sup>5</sup> Ср. работу М. Н. Тихомирова «Боян и Троянова земля» («Слово о полку Игореве»). Сборник исследований и статей. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 175—178).

<sup>6</sup> Одно из «темных мест», однако почти все исследователи вводят в него имя Ольга Святославича (1076—1114 гг.).

<sup>7</sup> ПСРА, т. I. СПб., 1846, стр. 120. — Любопытны также данные относительно возраста, какого достигают сказители нового времени (XIX—XX вв.): Трофим Григорьевич Рябинин — крестьянин Кижской волости, родился в начале 90-х годов XVIII в., умер в 1885 г., т. е. прожил около 90 лет. [см.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е (далее: Песни), т. I. М., 1909, стр. 3. — Изю всех олонедцких сказителей Т. Г. Рябинин дал больше всего былин: П. Н. Рыбникову — 23 и А. Ф. Гильфердингу — 18]; Кузьма Иванович Романов — слепой с трех лет, родился, по-видимому, в 80-х годах XVIII в., умер до 1885 г., т. е. лет за 80 (Песни, т. I, стр. 257); Никифор Прохоров — крестьянин из Пудоги, родился около 1820 г.; в 1906 г., когда от него записаны в последний раз былины, ему было не меньше 85 лет (Песни, т. II, М., 1910, стр. 77); «Колодозерский старик» — «слишком 90 лет, первостепенный сказитель» (Песни, т. II, стр. 431), один из лучших певцов, Рыбников записал от него 12 былин и Гильфердинг еще две. Таким образом, если в XIX в. сказители могли достигнуть возраста 80—90 лет, занимаясь крестьянской работой или рыболовством, то такой же предельный возраст можно предположить и для Бояна.

в 1185 г.? По всему судя, надб полагать, что певец «Слова» к этому времени был уже человек немолодой, умудренный жизнью, хорошо знакомый с политической обстановкой своего времени. Но вместе с тем это была еще пора полного расцвета его таланта; т. е. надо думать, что это был возраст не моложе 40 лет и не старше 60 лет. Следовательно, год его рождения приходился на 1125—1130 г.. Если внук Бояна родился в 1125 г., то в 1135 году ему было 10 лет, а в 1140 — 15 лет. Если же он родился в 1130 г., то в 1140 ему было 10 лет, а в 1145 — 15 лет.<sup>8</sup>

Таким образом, он мог слушать и учиться у своего деда до 10—15 лет. Даже к 10 годам можно многое усвоить из песенного запаса старого певца, а к 15 годам и подавно. В этом убеждают нас примеры, приводимые Рыбниковым, Гильфердингом и другими исследователями народного эпоса.

«Старины поются большею частью пожилыми людьми от 40 до 60 лет, но заучивают их обыкновенно еще в детском возрасте. Так, обе Крюковы, мать и дочь, начали перенимать былины с 8—9 лет; А. М. Крюкова до 18 лет... заучила 41 стари́ну, а с 18 до 45 лет — только 19. Васильева заучивала стари́ны девочкой лет 10; в молодости, именно лет 17-ти перенимал стари́ны и замечательный сказитель Гаврило Крюков».<sup>9</sup> При этом отмечаются случаи, когда мастерство переходит непосредственно от деда к внуку. Так, например, Терентий Иевлев, крестьянин Кижской волости учился до 10-летнего возраста у своего деда, знаменитого сказителя Ильи Елустафьева (отец Терентия за крестьянской работой отошел от былинного дела);<sup>10</sup> или Андрей Васильевич Сарафанов — внук и ученик другого знаменитого сказителя Игнатия Андреева.<sup>11</sup> Другие сказители перенимали стари́ны от отцов, как например Андрей Сорокин. Сыновья Трофима Рябина, особенно младший, также много переняли от отца.<sup>12</sup>

В начале XX в. на Печоре отмечены две семьи — Поздеевых, и Чупоровых, где былинное мастерство в течение трех поколений передавалось от отца к сыну. При этом собиратели указывают, что «поются стари́ны многими, но учатся не от многих, а только от лучших певцов».<sup>13</sup> В 60-х годах XIX в. Рыбникову и в 70-х годах Гильфердингу называли таких учителей (уже умерших к этому времени): в Пудогe — Мещанинова, знавшего до 70 былин, в Заонежье — Игнатия Андреева и Илью Елустафьева.<sup>14</sup>

Таким знаменитым учителем был, по-видимому, в XI—XII вв. и Боян — певец одного из князей Черниговской семьи, Ольга Гориславича. В «Слове о полку Игореве» о Бояне говорится как о лице, которое хорошо знакомо слушателям. Конечно, для нас безразлично, от кого перенял песни своего деда певец «Слова», непосредственно от самого Бояна или от своего отца. Но в их семье прославленным «песнотворцем» был несомненно Боян, сын же его, если и был певцом, являлся, возможно, уже только сказителем Бояновых песен; между тем как внуку Бояна передан и самый талант «песнотворчества».

Мы исходим из наиболее вероятного предположения, что мастерство певца в древности, как и в XIX в., чаще всего переходило по наследству;

<sup>8</sup> Мы принимаем наиболее вероятные цифры.

<sup>9</sup> А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 13.

<sup>10</sup> Илья Елустафьев был также учителем Трофима Рябина и Кузьмы Романова (Песни, т. I, стр. 383).

<sup>11</sup> От Игнатия Андреева Трофим Рябинин перенял большую часть своих былин (Песни, т. I, стр. 433).

<sup>12</sup> Песни, т. I, стр. СII.

<sup>13</sup> И. Е. Ончук о в. Печорские былины. СПб., 1904, стр. XXX.

<sup>14</sup> Песни, т. II, стр. 499.

конечно, здесь требовалась не только профессиональная память, но и музыкальная одаренность, которая облегчает запоминание текстов былин.<sup>15</sup>

И Боян и его внук были певцами черниговских князей — Ольга Святославича (1076—1115) и Игоря Святославича (ум. 1202). В одном из древнейших русских литературных памятников — в житии Феодосия Печерского — имеется упоминание о княжеских певцах великого князя киевского Святослава Ярославича, родоначальника «Ольговичей» (1073—1076): в княжеских палатах приставленные к тому люди играют на различных инструментах и поют яко же обычай есть перед княземъ. Это описание позволяет возводить песенную традицию при дворе северских князей еще к XI в. Для нас, кроме того, чрезвычайно ценно замечание, что такое пение было вообще в обычае при княжеских дворах.<sup>16</sup>

Мы уже говорили о ценности наблюдений над народным творчеством, которые собраны в XIX и XX вв. на русском севере. Конечно, его нельзя отождествлять полностью с творчеством певцов древней Руси. Однако во многих отношениях народное эпическое искусство еще и в XIX в. является отголоском старой певческой традиции и дает нам ряд важных указаний. Оно дает возможность проследить, при каких условиях возникают народные эпические произведения, как они сохраняются и распространяются. Мы видим также, что былинное мастерство ценится населением и сказителя уважают, как человека, выделяющегося своим талантом и знанием.<sup>17</sup> Собиратели былин отмечают любопытное разделение в среде исполнителей старин и песен XIX—XX в. Так, если среди поморов вообще не имеется<sup>18</sup> людей, специально занятых сказыванием былин, профессионалов, зарабатывающих себе этим пропитание, то иначе обстоит дело в Заонежье и Каргополье — там наблюдается разделение певцов. В Заонежье «главные хранители былин — сказители, а в Каргопольской стороне — калики. Сказители поют по охоте, из любви к искусству, а калики — по ремеслу. Первые научились своему знанию от знаменитых „досюльных“ (т. е. прежних) сказителей — Ильи Елустафьева, Игнатия Андреева, Федора Яковлева и других стариков; вторые — от таких же стариков и калик. Сказитель — обычно зажиточный крестьянин, земледелец, рыболов. Между тем как калики живут милостыней».<sup>19</sup>

По-видимому, то же деление мы должны предположить и в древности: скоморохи — профессиональные увеселители, изображения которых сохранили нам фрески на лестнице Киевского собора св. Софии, отличались от прославленных певцов типа Бояна и певца «Слова». Нам, к сожалению, не хватает данных, чтобы вполне уяснить себе положение и происхождение так называемых княжеских певцов XI—XII вв. Мы имеем одно известие в Бертинских анналах под 839 г. о трех славянских певцах, не имевших

<sup>15</sup> Относительно А. В. Сарафанова, внука и ученика знаменитого Игнатия Андреева, отмечается: «очевидно, музыкальность внука была слаба, и он постепенно стал отвыкать от песенного склада былин, превращая их в сказки, которые вообще любит и отлично рассказывает. Он не забывает содержание былин, но вместе с напевом стала исчезать цельность былинного языка». Гильфердинг, записавший его позднее Рыбникова, отметил «поразительный упадок поэтического склада» (Песни, т. I, стр. 434). Сравним также указания М. Н. Сперанского: «Содержание устной поэзии ограничено пределами памяти, а форма, музыкально-ритмическая, приспособлена к хранению памятью» (Былины, т. I, Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1916, стр. XI).

<sup>16</sup> Эпизод этот впервые приведен И. Е. Забелиным в работе: «Заметка об одном темном месте в „Слове о полку Игоревом“» (Археологические известия и заметки, М., 1894, № 10, стр. 297—301). С тех пор он неоднократно упоминается исследователями.

<sup>17</sup> А. Марков, Беломорская былины, стр. 13.

<sup>18</sup> Там же, стр. 15.

<sup>19</sup> Песни, т. I, стр. С и СII.

с собой ничего, кроме гуслей, и отправленных своим князем в качестве послов к византийскому императору Феофилу.<sup>20</sup>

Ипатьевская летопись сохранила половецкое сказание о певце, которого хан Отрок отправляет к хану Сырчану в качестве посла, т. е. певцам, по-видимому, как у славян, так и у степных кочевников XI—XII вв. приписывался дар убеждения.<sup>21</sup>

Больше известно о скандинавских певцах — скальдах: смотря по обстоятельствам, они — то купцы, то наемные дружинники, то морские разбойники. Они получают дары за песни, сложенные в честь различных властителей. Но скандинавское песенное искусство X—XII вв. очень далеко по своему характеру от славянского эпического творчества этого времени. Кроме того, у певцов-викингов, по-видимому, отсутствует прочная и живая связь с родиной: в поисках богатства они устремляются вдаль и легко оседают в других, более счастливых странах.<sup>22</sup>

Кто были славянские певцы типа Бояна и автора «Слова о полку Игореве»? Конечно, музыкальная и поэтическая одаренность могли проявляться и в древности во всех слоях общества. Поэтому и князь, и тысяцкий, и боярин могли иметь дарование и быть «песнотворцами» или «певцами». Но не надо забывать, что классовое общество воспитывало человека в определенном направлении, готовило его для определенного положения и дела. И в силу классовых понятий о чести, об обязанностях и правах своего положения ни князь, ни боярин не менял свою наследственную должность на «призвание». В то время такой поступок ставил человека в положение изгоя.

Точно так же несвободный человек, какой-бы одаренности он ни был, вряд ли мог позволить себе ту свободу мысли, какую мы находим в творчестве певца «Слова о полку Игореве и которую можно предположить и у Бояна. Несомненно, такие княжеские певцы были свободными людьми.<sup>23</sup>

Возможно, некоторые из них были землевладельцами, другие — дружинниками, но они были связаны с местным князем и следовали за ним в поход и на съезды. Вероятно, значение таких певцов было выше в эпоху родового быта, когда они наравне с вождем и жрецом стояли во главе своего племени. Отсюда могла вытекать, как отголосок древности, известная самостоятельность их воззрений. Нельзя, конечно, полагать, что древние певцы всегда выше уровня идей своего века и своего народа и что всегда в их творчестве «отзвук мыслей благородных звучал как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных». Певцы древности могли оставаться и на уровне своего века и преследовать узкие цели своего племени: призывать к мести, к обогащению за счет соседей, к вероломству и злодеяниям.

Но пример автора «Слова о полку Игореве» показывает, что талант в древней Руси мог соединяться и с высокими общественно-моральными идеалами.

<sup>20</sup> М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940, стр. 25.

<sup>21</sup> ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 155.

<sup>22</sup> Так, Гаральд Гардрад, позднее зять Ярослава Мудрого, служит дружинником в Киеве, затем в Царьграде и только будучи избран конунгом возвращается в Норвегию (1044—1066 гг.; см.: Труды В. Г. Васильевского, т. I. СПб., 1908, гл. VII, стр. 258—303). Исландский скальд Гюнлейг-Зминый язык, сын зажиточного землевладельца, — наемный дружинник то в Англии, то в Ирландии, то в Норвегии и в Швеции (Е. Н. Щепкин. Древнеисландская сага «Гюнлейг-Зминый язык». Одесса, 1905).

<sup>23</sup> Рыбников в XIX в. отмечает спокойное достоинство северных крестьян, которые не испытали гнета крепостного права и которым чужда поэтому приниженность крестьянства средней полосы России.

С христианизацией общества, с новым государственным строем исчезло сословие жрецов — они доживали свой век в качестве осуждаемых церковью знахарей и волхвов. Певцы также не одобрялись церковью, но искусство их сопровождало все моменты семейной и общественной жизни, и певцы продолжали жить вплоть до XX в., если не в качестве творцов, то в качестве сказителей.

В древности песни были необходимым ритуалом жизни не только в среде буйных Святославичей-Ольговичей, но и в семье такого князя, как Владимир Мономах. Так, он говорит, что ему не довелось слышать песни на свадьбе своего сына Изъяслава, но он хочет услышать плачи его вдовы, чтобы утешиться в своей скорби.<sup>24</sup>

Уже давно отмечено, что торжественное возведение князя на престол также сопровождалось «прославлением», т. е. особой песней. В 1068 г. восставшие киевляне, освободив из поруба Всеслава, провозгласили его великим князем и «прославиша и». В 1251 г. вернувшемуся после победы князю Даниилу Галицкому и его брату «песнь славну пояху има».<sup>25</sup>

До нас дошел только отголосок блестящего расцвета этой древней поэзии в лице Бояна. Творчество его внука показывает уже переход к письменной поэзии. «Слово о полку Игореве» написано для пения; оно еще в полной мере может быть названо народным,<sup>26</sup> но оно отходит от стилистических приемов древнего рапсода, это новая эра национальной светской поэзии. Татарское иго прерывает естественное развитие этого направления.

---

<sup>24</sup> Повесть временных лет, ч. 1. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 164—165.

<sup>25</sup> М. Н. Тихомиров. Источниковедение..., стр. 179.

<sup>26</sup> В том смысле, что оно глубоко национально и не навеяно переводными памятниками.